

К юбилею Победы

Одна на всех

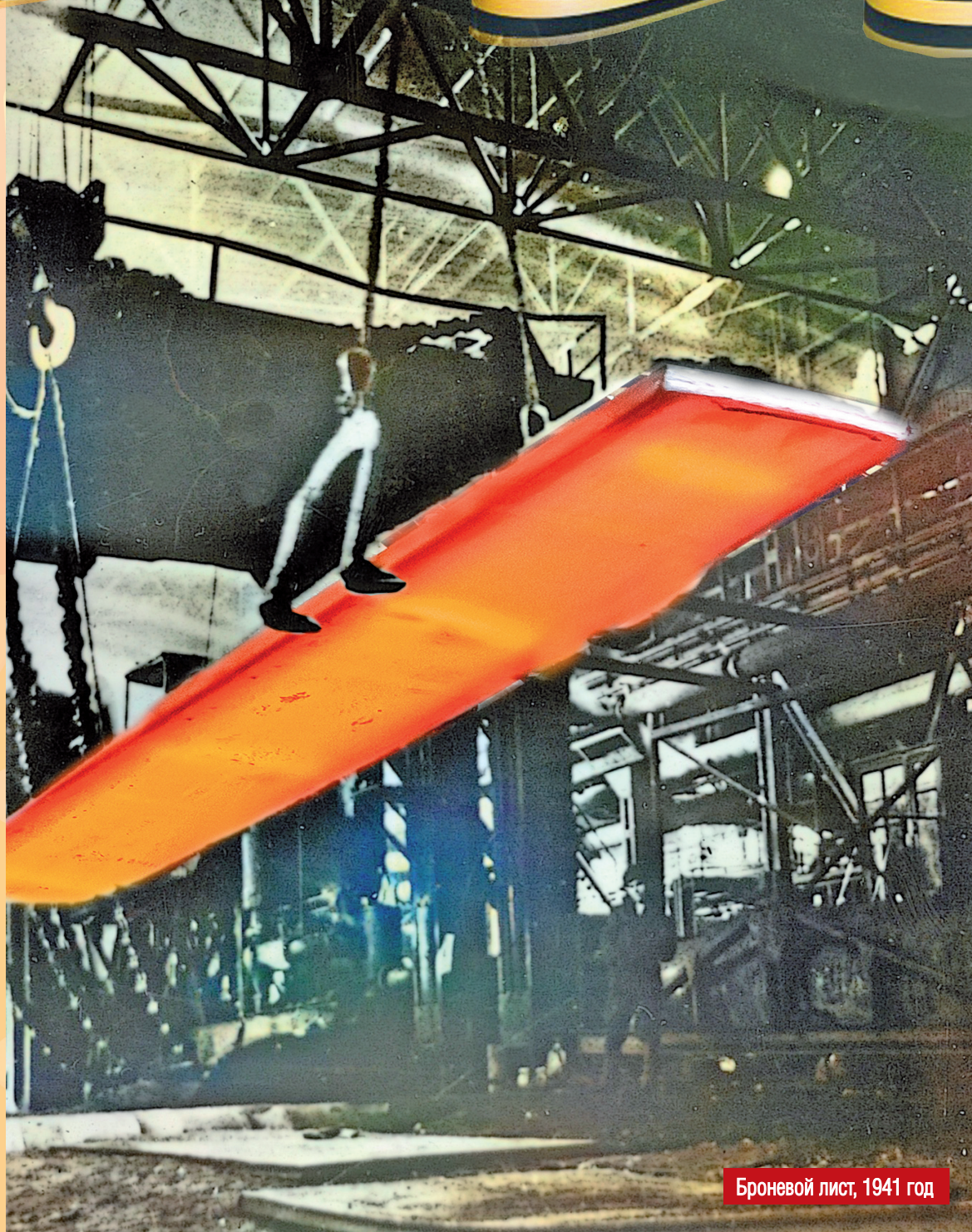
За 1418 дней войны Магнитка выросла в гигантский источник боевой мощи, максимально быстро перестроившись на новый – военный – режим работы

22 июня 1941 года. Через час после того, как радио сообщило о нападении фашистской Германии на СССР, директор комбината **Г. И. Носов** собрал экстренное совещание начальников цехов и отделов. С этого момента

для всех работников ММК начался фронт. Metallургам Магнитки было поручено в короткий срок освоить выплавку броневой стали и организовать прокатку броневых листов для танкостроительных заводов.

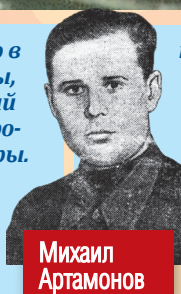
В августе 1941 года мартеновскую печь № 3 начали спешно переделывать с основной подины на кислую для выплавки броневой стали. Специалистов не было. В помощь магнитогорцам прибыли несколько инженеров-металлургов из Мариуполя. Около трёх месяцев реконструировали печь, осваивали новый метод сталеварения. Люди сутками не выходили из цеха: там спали, ели, жили. Третья печь начала давать броню. Но мало. Необходимо было наладить выплавку броневой стали на всех сталеплавильных агрегатах. Большой вклад в эту работу внесли начальник мартеновского цеха **Ф. Воронов** и его заместитель **А. Трифонов**. С 1942 года стали варить броню на всех мартеновских печах.

Михаил Артамонов, мастер миксерного отделения мартеновского

Броневой лист, 1941 год

цеха № 2: «Пришли как-то в цех к нам кинооператоры, снимали документальный фильм о том, как варим броню. Ну и я попал в эти кадры. Прошло несколько месяцев. Получаю письмо с фронта от брата Василия. Читаю. И вдруг... «А я тебя видел. Нам здесь

Михаил Артамонов

показывали фильм, как вы там трудитесь...» Вот так мне с моими товарищами довелось побывать на передовой. О нас знали там, в окопах».

Таким образом, одна часть задачи – выплавка броневой стали – была

Загрузка мартеновской печи, 1942 год

решена. Оставалась вторая, ещё более сложная – прокатка броневых листов. В Магнитке в ту пору не было ни одного листового стана. По предложению Наркомчермета Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение эвакуировать на Урал самый крупный в стране броневой стан с Мариупольского завода имени Ильича. Перед руководством комбината была поставлена задача подобрать место, в кратчайший срок смонтировать прибывший с Юга броневой стан и начать катать броню. Возник целый ряд проектов, где установить стан. Оказывалось, что всюду он будет мешать нормальному производству, да и установка его потребует времени. А броня нужна была фронту немедленно. В разгар споров заместитель главного механика инженер **Николай Рыженко** внёс до дерзости смелое предложение – катать броневые листы на блюминге № 3, вступившем в строй весной 1941 года.

1941 год. На третьем блюминге начали впервые осваивать прокат броневых листов. Не было приспособлено для этого оборудование, не

хватало квалифицированных рабочих, не было опыта. Рабочим не рассказывали о химическом составе металла, но они знали, что он идёт на лобовую часть танков Т-34. Этого было достаточно. Две трети блюминга перекрывались, не работали. Все рабочие собирались на одном небольшом участке, где катался броневой лист. От его качества зависела жизнь солдат на полях сражений. Нельзя было допускать окалину на поверхности листа, нужно было удалять её при прокатке. Механических приспособлений для этой цели не было. Изобретать их было некогда. Четверо рабочих вставляли на линейки манипуляторов на клети и, как только валки захватывали раскат, швыряли туда берёзовые веники. От резкого изменения температуры получался взрыв, и окалина кусочками летела во все стороны. Вот так всю смену и стояли они в двух метрах от раскалённой полосы надвигающихся взад и вперёд линейках манипуляторов. Всю смену летела в них раскалённая окалина, а они кидали и кидали берёзовые веники. Лица их защищала проволочная сетка, с одежды огонь стряхивали рукавицами.

Михаил Топорков, начальник смены блюминга № 2: «Прокатанный лист длиной больше 10 метров и с температурой 750–800 градусов должен был пройти термическую обработку в специальных вагонах-термосах. Краном его опускали в вагон, где он равномерно остывал. Но прежде нужно было приготовить под него подкладки, чтобы лист не прогнулся при остывании. На него – ещё прокладки и снова лист сверху. Расстояние между стенками вагона и этим раскалённым штабелем оставалось небольшое. По этому проходу вокруг штабеля мы делали не один круг. Жара была невероятная. После такой работы мы подолгу стояли под холодными струями душа».

К исходу октября 1941 года магнитогорские металлурги выплавляли до 40 марок специальных сталей, нужных для танкостроительной, авиационной, автомобильной, судостроительной и ряда других отраслей промышленности. Всего ММК выпускал около 100 видов боевой продукции, в том числе литые бронекорпуса к дотам, полкапониры для береговых артиллерийских установок, литые броневые башни к тяжёлым танкам КВ.

В период Великой Отечественной войны 48 процентов рабочих комбината были в возрасте до 25 лет. Средний же возраст трудящихся был 29 лет. Судьбу металла для фронта решала в большой степени молодость. Было трудно. Приходилось работать по 14 и больше часов в сутки. Металла с каждым днём нужно было всё больше и больше, а работать приходилось на старом оборудовании, реконструировать его было некогда. Иногда казалось, что металл плавился быстрее лишь от того, что рядом горячие молодые сердца. И металл шёл, сколько бы его ни потребовалось.

По почину комсомольцев в городе был организован сбор средств на строительство боевых